

Арте́м Рудни́цкий

Дипломаты в сталинской Москве

Дневники шефа протокола
1920-1934

Артем Рудницкий

**Дипломаты в сталинской
Москве. Дневники шефа
протокола 1920–1934**

«Алетейя»

2023

УДК 94(47) "192/193"+929
ББК 63.3(2)61-8

Рудницкий А. Ю.

Дипломаты в сталинской Москве. Дневники шефа протокола 1920–1934 / А. Ю. Рудницкий — «Алетейя», 2023

ISBN 978-5-00165-589-3

В центре книги - яркая фигура Дмитрия Флоринского, необычная, трагическая и почти забытая. Его судьба изобиловала крутыми поворотами: бывший царский дипломат работал в Европе и США, примкнул к Белому движению, потом перешел к красным и возглавил Протокольный отдел Народного комиссариата по иностранным делам (НКВД). Прославился как «творец красного протокола» и оставил после себя уникальные дневниковые записи. Они позволяют воссоздать широкую картину дипломатической жизни Москвы 1920-х - начала 1930-х гг., рассказать, как тогда работали и жили иностранные дипломаты. Вершили государственные дела, а кроме того, заводили любовниц и любовников, скандалили, сплетничали, возмущались слежкой и провокациями чекистов, попадали в курьезные и драматичные истории, испытывали шок от соприкосновения с советской действительностью. Показан характер деятельности сотрудников НКВД. Среди них Флоринский стал первой жертвой Большого террора, обозначившего новую эпоху в советской истории. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47) "192/193"+929
ББК 63.3(2)61-8

ISBN 978-5-00165-589-3

© Рудницкий А. Ю., 2023

© Алетейя, 2023

Содержание

Вместо предисловия	7
Штрихи к образу	10
Бреши в стене	17
Неуч и недоросль	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Артем Юрьевич Рудницкий

Дипломаты в сталинской Москве.

Дневники шефа протокола 1920–1934

© А. Ю. Рудницкий, 2023

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2023

Люди всегда расплачиваются за свои поступки и за свои мысли, за все добро и зло, которое они творят, даже если их страдание ничему и никому не помогает, в том числе им самим.

Курицио Малапарте

*Нам может нравиться прямой и честный враг,
Но эти каждый наш выслеживают шаг.*

Николай Гумилев

Вместо предисловия

Двадцатые годы двадцатого столетия – уникальная эпоха. В самом сочетании слов – «двадцатые... двадцатого» – есть нечто знаковое и символическое. Трудно было поверить, что после разрушительного смерча революции и гражданской войны Россия сможет так быстро вернуться к нормальной, ну, к почти нормальной жизни. По-прежнему правила бал советская власть, по-прежнему ощущался идеологический гнёт, и органы ВЧК/ГПУ/ОГПУ (у этой структуры столько реинкарнаций, что для удобства и краткости в дальнейшем остановимся на самом распространенном в то время названии – ГПУ) не прекращали отлавливать и «нейтрализовать» противников режима, но все это происходило как бы вполсилы и с меньшим размахом, чем при военном коммунизме.

О живительном воздействии НЭПа, новой экономической политики, говорили и писали много, но все же еще раз напомним об этом явлении. Его можно назвать первой советской перестройкой. После почти четырех лет лишений, страшного кровопролития и разрухи общество переживало необыкновенный ренессанс. Как по мановению волшебной палочки забурлила жизнь, политическая, экономическая и культурная – позволяя слегка расправить грудь, вздохнуть свободнее. Это была не полная свобода, а так, глоток свободы, но он тоже давал целительный эффект. Дарил надежду на то, что потом, возможно, дело пойдет лучше. Прозрачную, в российской жизни большие надежды на проверку обычно оказывались большими иллюзиями.

Но это понимание придет нескоро, а пока «расцветали сто цветов» (воспользуемся крылатым выражением Мао Цзэдуна), магазины были полны товаров, публиковались книги и статьи «попутчиков» и даже критиков и врагов советской власти, политика радовала разнообразием и дерзко выбивалась из прокрустова ложа дремучих идеологических канонов. В этой обстановке в Москве появились иностранные дипломаты – чудо невиданное, о них вовсе забыли за предыдущие годы и не предполагали, что люди этой породы когда-либо вновь покажутся.

Сделавшись хозяевами страны, большевики вырубili под корень всю внешнюю политику и дипломатию – как буржуазную забаву и досадный старорежимный пережиток. Буржуазию, как известно, надо давить, а пролетариат интернационален по своей природе, у него нет отечества и, сбросив цепи, приобретет он весь мир без всякой дипломатии. Ни к чему ему цилиндры, фраки, смокинги и шарканье лакированными штиблетами по вощеному паркету.

Но не вышло, пришлось не только открыть двери иностранным послам, советникам, первым и прочим секретарям, но и самим постигать азы дипломатического искусства, разыскивать и привечать старых царских профессионалов, которых разогнали в 17-м. С этим, конечно поспешили, сообразили наконец. И собственных дипломатов большевики сумели вырастить, рекрутировав из своих рядов революционных деятелей, вышедших из имущих классов, обученных наукам, иностранным языкам и политесу, носивших запонки и накрахмаленные рубашки. Никогда после в советской и российской дипломатии не было столько умных, неординарных и широко мыслящих людей, которые сумели заново создать внешнеполитическое ведомство, всю систему международных связей и – можно этому только изумляться – придать советской республике блеск и очарование в глазах зарубежных партнеров.

С появлением в Москве дипломатического корпуса она изменилась, ее облик заиграл новыми красками. В этой книге мало говорится о политике, больше о том, как жили дипломаты в столице нашей родины 100 лет назад, вращались в ни на что не похожий советский быт, приспособлялись и отторгали его, налаживали отношения с Народным комиссариатом по иностранным делам (НКИД), работали, отдыхали, заводили любовниц и любовников, скандалили, возмущались опекой чекистов и попадали в разные курьезные, а порой и трагические истории.

На протяжении всех двадцатых и начала последовавших тридцатых, в гуще этой суматошной, затейливой и подчас предельно запутанной дипломатической жизни находился совершенно необычный человек – Дмитрий Тимофеевич Флоринский, шеф Протокольного отдела НКВД. О нем сохранилось не так уж много свидетельств современников, но остались его записи, служебные дневники и переписка Протокольного отдела. Настолько оригинальные, ценные и важные для понимания эпохи двадцатых, что их трудно поставить в один ряд с нынешними официальными бумагами.

Я искренне признателен старшему советнику архива МИД России Елизавете Гусевой, которая поделилась со мной своими впечатлениями от этих документов, предложила написать о Дмитрие Флоринском и оказала неоценимую помощь в архивных поисках. Меня поразило то, с каким блеском писал этот человек, колоритно, ярко и сочно. Не то что чиновники от дипломатии, которые пришли ему на смену и сочиняли (и продолжают этим заниматься) сухие, казенные бумаги, серые как валенок. Дневники Флоринского, а это десятки папок в фондах мидовского архива – изумительный исторический источник.

Заполнение служебного дневника Флоринский не рассматривал лишь как обязанность, своего рода скучную повинность. Его записи выдают талант литератора, тонкого, наблюдательного и часто язвительного стилиста, который писал, конечно, для других, но в том числе и для себя. Рисовал красочную картину жизни дипломатической Москвы во всех ее проявлениях. Трудно не восхищаться филигранной отточенностью его пера, живостью описаний. Буквально несколькими штрихами он создавал портреты своих персонажей. Возможно, мог бы стать хорошим писателем, и, доживи до преклонных лет, наверняка бы взялся за мемуары.

При всей своей занимательности, дневники и переписка Флоринского были в высшей степени информативны и представляли очевидную практическую ценность для НКВД и разведслужб, для поддержания контактов с дипкорпусом, налаживания отношений с дипломатами и государствами, присылавшими их в Москву.

Помимо этих записей были широко использованы и другие архивные документы. К сожалению, установленные правила ограничивают доступ к личным делам, однако удалось ознакомиться с отдельными листами автобиографии Флоринского, выданными в копиях.

При цитировании в целом сохранены орфография и стилистика протокольных дневников. Правка вносилась лишь в отдельных случаях, большей частью связанных с ошибками, допущенными при перепечатке текстов машинистками НКВД.

Некоторые сложности были вызваны обилием фамилий и имен иностранных дипломатов, а также других деятелей, упомянутых в дневниках. К сожалению, не все удалось в точности идентифицировать.

Когда я приступал к работе, то думал ограничиться статьей или очерком, но по мере «погружения в материал» увидел, что исследование просится в другой формат. Вот так пришла мысль воссоздать широкую картину дипломатической Москвы тех лет.

Кроме архивных материалов, была использована мемуарная литература, в том числе воспоминания и записки советских и зарубежных дипломатов¹. В этом ряду особняком стоят дневниковые записи, приписываемые Максиму Литвинову, который в 1920-е годы занимал ключевые посты НКВД, а в 1930-м возглавил наркомат. Забегая вперед, скажу, что именно ему Флоринский был обязан своим возвращением в Россию из эмиграции. Эти записи под названием «Notes for a Journal» («Заметки для дневника»), были изданы в Нью-Йорке в 1955 году²

---

¹ См.: С. Дмитриевский. «Советские портреты». Стокгольм, Стрела, 1932; Г. А. Соломон. Среди красных вождей. М., Современник, Росинформ, 1995; М. Я. Ларсонс. В советском лабиринте. Эпизоды и силуэты. Париж, Стрела, 1932; М. Я. Ларсонс. На советской службе. Записки спеца. Париж, Родник, 1930; К. Озол. Мемуары посланника, М., Центрполиграф, 2015; Г. Хильгер, А. Мейер. Россия и Германия. Союзники или враги? М., Центрполиграф, 2008; E. Cerutti. Ambassador's Wife. George Allen and Unwin Ltd, L., 1952.

² Maxim Litvinov. Notes for a Journal. William Morrow & Company, NY, 1955.

со вступительным словом Уолтера Беделла Смита, посла США в СССР в 1946–1948 годах, и предисловием маститого британского историка Эдуарда Карра. Одно это заставляет внимательно отнестись к этому источнику, несмотря на то, что авторство Литвинова сомнительно³.

В издательство эти заметки попали через Григория Беседовского, дипломата-невозвращенца, отказавшегося раскрыть, как именно он получил их из СССР. Делал только туманные намеки на посредничество неких мистеров «Икс» и «Игрек», а также посла в Швеции Александры Коллонтай – якобы Литвинов ей передал свои заметки. Так или иначе, по всей видимости, писал их не дилетант, а человек, или несколько человек, неплохо знакомых с советским дипломатическим закулисным и располагавших необходимой информацией, представляющей интерес и имеющей отношение, в том числе, к биографии Флоринского. Грубые ошибки и «ляпы» бросаются в глаза (например, утверждается, что Флоринский учился в Царкосельском лицее, что не соответствовало действительности⁴), но многое не противоречит уже известным и проверенным фактам и дополняет их.

Я хотел бы поблагодарить за поддержку и содействие в работе над рукописью директора Историко-документального департамента МИД России Надежду Баринову, Елизавету Гусеву, фондохранителей Марию Баскакову, Наталью Выходцеву, заведующую читальным залом Марию Донец, заведующую фотофондом Ирину Трифонову (редчайшие фотографии украсили книгу) и других сотрудников Архива МИД России.

Надеюсь, что книга, посвященная Дмитрию Флоринскому и дипломатам в Москве 1920-х и начала 1930-х годов, представит интерес для разных читателей, не только для «узких специалистов». Разве не может увлечь повествование о поразительных и неожиданных поворотах бурной биографии главного героя, о заграничных представителях, испытывавших культурный шок от соприкосновения с советской действительностью, их манерах, резко контрастировавших с поведением жителей страны социализма, интригах, политических и бытовых, расприх и склоках, специфике отношения к СССР, разумеется, менявшемся, причем не обязательно в лучшую сторону, об особенностях работы НКВД и его сотрудников, включая тех, которым в силу их знаний и опыта так сложно было оставаться в шкуре *homo soveticus*.

---

³ См. например: *Bertram D. Wolfe. The Case of the Litvinov Diary. A True Literary Detective Story* // <https://voiks.livejournal.com/312858.html>; Г. Черняховский. Феномен Литвинова // <https://web.archive.org/web/20131002121603/http://kackad.com/kackad/?p=5377>.

⁴ Notes for a Journal, p. 30.

Штрихи к образу

Дмитрий Флоринский принадлежал к плеяде интеллектуалов, которые буквально из пепла возродили российскую дипломатию, исковерканную и растоптанную революцией и гражданской войной. Я использую термин «российская», а не «советская», чтобы подчеркнуть преемственность отечественной дипломатии, которая удивительным образом сохранилась – несмотря на все усилия советских идеологов, старавшихся всегда и везде «обрубать концы», выставляя себя первооткрывателями и основателями.

Флоринский был советским чиновником, но в нем эта преемственность особенно чувствовалась. Во-первых, до революции он успел поработать в МИД Российской империи, а, во-вторых, советского в нем было очень мало. Коллеги, настоящие партийцы, это чувствовали и помешали Дмитрию Тимофеевичу вступить в ряды РКП (б). Не было в нем коммунистической упёртости, зашоренности, готовности бездумно разделять официально утвержденные догмы или изображать себя строителем коммунизма (то есть он изображал, но не очень успешно).

Флоринский известен как творец советского протокола и советского дипломатического этикета. В действительности он ничего особенного не изобретал, а лишь видоизменил общепринятые протокольные формы, упростив их, сделав более понятными и приемлемыми для советской системы. Ему хотелось вернуть Россию в лоно дипломатической цивилизации (и цивилизации вообще), а без соблюдения определенных условностей, традиций, этикета и внешнего декора это было нереально. Нкидовцы «правильного», рабоче-крестьянского происхождения, видели в этих традициях и условностях «тонкие и хитроумные штуки», а Флоринский прекрасно понимал: именно они формируют особую ткань дипломатической жизни, без них немыслима работа дипломатического представителя в любой стране.

Плохо осведомленные и не слишком образованные люди воспринимают дипломатию как череду светских приемов и развлечений. Что ж, на некоторых приемах и впрямь можно приятно провести время. Но в большинстве случаев дипломаты посещают их не для праздного времяпровождения, а чтобы завязывать контакты, собирать информацию, доводить до сведения собеседников принципиальную позицию своего государства. «Светскость», «умение быть светским» – неперемennые качества профессионального дипломата, потому что это действенный рабочий инструмент, позволяющий обмениваться информацией, добывать важные сведения и достойно представлять свою страну.

Эпоха двадцатых стала для Флоринского звездным часом. Этот человек многое сделал, чтобы переломить пренебрежительное и презрительное отношение большевистских функционеров к протоколу и этикету как к «буржуазным выкрутасам». Любопытно, что позже маятник советско-российской дипломатии качнулся совсем в другую крайность – к всевозможным протокольным излишествам, роскоши и внешней парадности. Впрочем, этого Флоринскому увидеть не довелось.

Он навсегда остался в своем времени, в котором буквально царил и славился на всю Москву как светский лев, вхожий во все посольства и официальные учреждения. Был на короткой ноге с главами иностранных миссий, сотрудниками и их женами, посвящен во многие их личные секреты, был завсегдатаем официальных раутов, обедов и «интимных вечеринок» (в понятие «интимный» не вкладывался сексуальный смысл, оно подразумевало неформальное общение, и только) и сам устраивал приемы в своей просторной квартире на Софийской набережной.

Флоринского высоко ценили зарубежные и советские коллеги, но при этом подмечали сложности его характера. Эта неоднозначность просматривается, например, в романе «Бал в Кремле» (неоконченном) итальянского писателя Курцио Малапарте, который сделал Дмитрия Тимофеевича одним из главных своих героев.

Роман посвящен «красной знати», которая буквально расцвела в 1920-е годы, и Флоринский выделялся в ней как заметная фигура – в этом Малапарте не ошибся. «Бал в Кремле» – это рассказ о блеске, пышности и трагической судьбе советской элиты, своеобразных советских нуворишей, и в нем правда причудливо перемешана с вымыслом. Рассказ «о советском высшем обществе, о *gens du monde* Москвы, о московском марксистском дворе, о его скандалах, придворных, фаворитках, ловких пройдохах, галантных праздниках, балах, *lettres de cachet*, дворцовых заговорах»⁵.

Весной 1929 года Малапарте провел в Москве около месяца, потом наведлся сюда уже в 1956-м, возвращаясь из Китая. Несмотря на краткое знакомство с советскими реалиями, итальянец писал с апломбом, словно ему была известна истина в последней инстанции, и не стеснялся выносить окончательные приговоры людям и событиям. Не раз, что называется, попадал пальцем в небо, но в некоторых случаях интуитивно, проявляя чутье художника, схватывал важные и существенные приметы времени.

Нынешние читатели могут удивляться при чтении многих страниц «Бала в Кремле», и уж конечно возмущился бы Флоринский – настолько Малапарте изменил его характер и облик. Сделал «старым большевиком, одним из членов старой ленинской гвардии», а заодно троцкистом⁶, хотя истинный смысл понятий «троцкист» и «троцкизм» от итальянского писателя явно ускользал. Тем не менее, некоторые черты своего героя Малапарте отразил психологически достаточно глубоко и верно:

«Любовь Флоринского к светской жизни, его снобизм, тяга к запретным наслаждениям, легкий и одновременно грубый цинизм, его скептицизм, заметный в отношении к рядовым проблемам советской жизни, но направленный прежде всего на постулаты коммунизма и коммунистической жизни, отличали не его одного, а всю советскую знать того времени»⁷.

Недостатки романа с лихвой искупаются тем мастерством, с каким Малапарте передает атмосферу советского бомонда, рельефно, с усмешкой, иронией и затаенной грустью, поскольку знал, каков будет исход этого «вечного праздника» красной знати.

Флоринский вошел в ее ряды вместе со многими другими персонажами, в том числе первого ряда – с Анатолием Луначарским и его супругой, актрисой театра Мейерхольда и кинодивой Натали Розенель, председателем ВОКСа⁸ Ольгой Каменевой (сестрой Льва Троцкого и женой одного из главных советских лидеров Льва Каменева), наркомом иностранных дел Георгием Чичериным и сменившим его Максимом Литвиновым, его женой Айви Литвиновой, женами крупных функционеров и военачальников (включая Андрея Бубнова и Семена Буденного⁹) и прочими лицами, как мужского, так и женского пола. Эти люди пользовались всеми благами жизни, хорошо одевались, регулярно ездили отдыхать и лечиться в Европу и пользовались немалым влиянием, что позже явилось одной из причин их почти полного физического уничтожения Сталиным.

Красная элита вобрала в себя революционных деятелей, занявших высокие чиновные посты и решивших, что пришла пора вознаградить себя за прежние тяготы и лишения. «Вчера еще они жили в нищете, под подозрением, в шатком положении подпольщиков и эмигрантов, а потом вдруг стали спать в царских постелях, восседать в золоченых креслах высших чиновников царской России, играть ту же роль, которую вчера играла имперская знать»¹⁰.

---

⁵ К. Малапарте. Бал в Кремле. АСТ, Москва, 2019, с. 79.

⁶ Там же, с. 210.

⁷ Там же, с. 218.

⁸ ВОКС – Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

⁹ А. С. Бубнов занимал высокие должности – Начальника политического Управления РККА, главного редактора газеты «Красная звезда», наркома просвещения и др. С. М. Будённый – герой гражданской войны, легендарный командир Первой конной армии

¹⁰ Бал в Кремле, с. 83.

Помимо революционеров, новая элита вобрала в себя кое-кого из «бывших», формально обращенных в коммунистическую веру. К ним прибавилась богема – художники, артисты, поэты, композиторы, а также члены дипкорпуса и советские дипломаты. Помимо тех, что уже были названы, упомянем полпредов (послов) Виктора Коппа, Христиана Раковского, Александру Коллонтай, полпреда и заместителя наркома Николая Крестинского, и, разумеется, заместителя наркома Льва Кара-хана. Последний выступал на первых ролях в московской дипломатическо-светской жизни, выделялся умом, внешностью (производил впечатление интеллигентного человека и был молодым и красивым, «самым красивым мужчиной в Советской России и, возможно, как утверждала супруга германского посла фрау Дирксен, самым красивым в Европе»¹¹), прекрасно играл в теннис и очаровывал дам, как отечественных, так и зарубежных. Элизабет Черутти, супруга итальянского посла Витторио Черутти, называла Карахана «денди Революции»¹².

По известности с ним соперничал Луначарский, который, попав в опалу, получил утешительный приз в виде назначения полпредом в Испанию. И присоединился, таким образом, к советской дипломатической когорте. Но то был уже закат его карьеры, а прежде, будучи народным комиссаром просвещения, он фигурировал на авансцене московского бомонда – с красавицей Розенель, понятное дело. В народе о них складывали стишки: «Вот идет походкой барской и ступает на панель Анатолий Луначарский вместе с леди Розенель...».

В дипкорпусе отмечали скромные артистические способности этой дамы, а также ее неиссякаемую любовь к мехам, драгоценностям и вообще к роскоши. Супруг старался ей угодить, покупал все, что она пожелала. В свадебное путешествие, это был 1922 или 1923 год, молодожены отправились в Париж и Берлин, где появление Розенель, «упакованной в дорогостоящие меха и в блеске бриллиантов», стало сенсацией¹³.

На фоне этой светской львицы, с ее нарядами и украшениями, весьма скромно выглядела англичанка Айви Лоу, жена Литвинова. Не кичилась своим положением, одевалась в дешевые платья и когда сопровождала мужа в зарубежных визитах, шубу брала напрокат. Тесно с ней общавшаяся Элизабет Черутти обращала внимание на дырявые чулки Литвиновой. Зато эта советская англичанка была прекрасно образована, остроумна и начитана. Благодаря ей Черутти познакомилась со знаменитым романом Джеймса Джойса «Улисс», который помогал ей «коротать долгие зимние вечера в России»¹⁴.

Все эти люди, при всей их внешней несхожести, вращались в одних и тех же кругах и принадлежали к одному и тому же привилегированному узкому слою советской аристократии, существовавшему, в основном, в Москве, но в каком-то виде и в других крупных городах. Эта первая советская элита была практически полностью ликвидирована Сталиным во второй половине 1930-х годов, и причина заключалась вовсе не в буржуазной тяге к роскоши и удовольствиям (недопустимой для пролетариата), как думала, в частности, Элизабет Черутти. «Они выдавали себя своими любовными увлечениями и шелковыми подкладками костюмов. Они были сентиментальны. Они слишком любили хорошую еду и как только пересекали российскую границу спешили вкушать радости жизни. Кара-хана, к примеру, часто можно было увидеть за игрой в казино в Венеции. Их посчитали перерожденцами, неспособными сопротивляться желанию смягчить жесткие советские законы. И потому подлежащими уничтожению»¹⁵. Ближе к истине было ее замечание о том, что представители красной знати в той или иной степени «были заражены микробом прошедшей эпохи»¹⁶.

¹¹ Там же, с. 91.

¹² Ambassador's Wife, p. 62.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid., p. 58–59.

¹⁵ Ibid., p. 63.

Флоринский в этой элите занимал особое место. Обратимся к Малапарте, единственному из современников, оставившему подробное описание личности Флоринского, его внешности и привычек, пускай и с фантазийными элементами. Признавая весомость фигуры дипломата, итальянский романист наделил его реальными и, вместе с тем, гротескными чертами.

По его наблюдениям, Флоринский «был в Москве знаменитостью: послы, дипломатические представители зарубежных государств, впервые приезжая в Москву, встречали в качестве первого официального лица высокого, изящного, хотя и чуть полноватого розовато-белого человека, одетого в белое, с диковинной фуражкой из белой парусины с желтым кожаным козырьком, который припрыгивал на вокзальном перроне. ...В то время, в 1929 году, он был в Москве *a la mode* – не было стола, за которым играли в бридж и за которым сидел посол или супруга посла, чтобы его не украсило присутствие Флоринского»¹⁷.

Из общей массы красной знати Флоринский выделялся утонченностью и импозантностью. Едва ли кто-то мог с ним в этом соперничать. У Малапарте он предстает утонченным щеголем на удручающе сером московском фоне. Автор многое приукрасил, но не будем забывать, что он писал художественное произведение, имея полное право на вымысел, однако пристрастие шефа протокола к модным нарядам было схвачено, вероятно, точно.

В романе Флоринский передвигается по столице в старинной роскошной карете, а на самом деле он пользовался автомобилем и постоянно упрекал нкидовских хозяйственников, дававших машину с опозданием. Для Малапарте такая выдумка – способ подчеркнуть необычность своего персонажа:

«В экипаже сидел Флоринский, нарумяненный и напудренный, маленькие желтые глазки подведены черным, ресницы желтые от туши. Рыжий пушок выбивается из-под желтого кожаного козырька диковинной фуражки из белой парусины, которую он носил, слегка сдвинув на затылок. Он весь был одет в белый лен, на ногах у него были белые теннисные туфли и белые шелковые носки. Он сидел в углу ландо с чопорным видом, руки в белых перчатках опирались на сделанный из слоновой кости набалдашник трости из малайзийского дерева...

...Зимой Флоринский прятался в складках огромного пальто на волчьем меху, надвигал на обрамленный рыжими волосам лоб высокую меховую шапку...»¹⁸.

Примем к сведению такие художественные вольности, а также детали, намекающие на гомосексуальность Флоринского (к этой теме еще вернемся), а пока попробуем разгадать секрет его популярности и значимости в жизни московского высшего света. На высокие должности его не назначали, в группу больших государственных мужей не записывали. Но был он вездесущ, всех знал, со всеми был на короткой ноге, славился своей осведомленностью и никакое заметное светское мероприятие без него не обходилось.

Он успевал повсюду, имел связи во всех ведомствах, в наркоматах, ГПУ, Кремле... В книге Георгия Попова «Чека. Красная инквизиция», вышедшей в Лондоне в 1925 году, автор окружил Флоринского таинственно-романтическим и авантюрным ореолом. Сам шеф протокола это отразил в своих комментариях, говоря, что автор выставил его человеком, который «окутан... для пушего эффекта в рокамболовский плащ и которого он обвиняет в самых черных интригах в духе “Тайн Мадридского двора” и иной подобной бульварной литературы»¹⁹. Не мудрено, что Дмитрий Тимофеевич по этому поводу негодовал – в советской стране подобная реклама ничего хорошего не сулила. Но какая-то доля правды в сделанной зарисовке, вероятно была... В конце концов, после революции «вся жизнь всё равно превратилась в одну сплошную авантюру» – это уже высказывание советского чиновника и дипломата Матвея Ларсонса,

---

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Бал в Кремле, с. 206–207.

¹⁸ Там же.

¹⁹ АВП РФ, ф. 057, оп. 5, п. 102, д. 3, л. 10–11; См. также: G. Popoff. The tcheka: the Red inquisition. London: A. M. Philpot, 1925.

вполне справедливое для своего времени²⁰. Ларсонс хорошо знал Москву и московскую дипломатическую жизнь того времени и его мемуары остаются ценным источником для изучения становления советской госслужбы, в том числе дипломатической, а также советской внешней политики.

Флоринский славился своим остроумием, ироническим складом ума, сарказмом и временами мрачноватым сардоническим юмором, умением вести диалог, быть в центре общества, притягивая к себе внимание собеседников. Какое-то представление об этом дают его записи. Хотя ему полагалось писать в казенно-официальном жанре, он позволял себе не сдерживаться, возможно, даже имея в виду легкий эпатаж своих читателей – а ими могли быть руководящие сотрудники НКВД и, конечно, люди из «соседского ведомства» (ГПУ располагалось в здании напротив внешнеполитического ведомства на Кузнецком мосту и чекисты и дипломаты до сих пор по привычке называют друг друга «соседями»).

Над кем только не подтрунивал шеф протокола, не скупясь на колкости. Как-то прошелся по Натали Розенель, которой явно не хватало воспитания и вкуса: «Между прочим, мне довольно недвусмысленно намекали, что экстравагантный туалет и богатое экзотическое оперение Н. А. Луначарской на торжественном спектакле в Большом театре не прошли незамеченными и произвели на дипломатов довольно сильное впечатление»²¹.

Малапарте вынес о нем такое суждение: «Это был образованный, остроумный, болтливый, мнительный, ехидный и злой человек»²². «Злой» – в смысле острый на язык, такая напрашивается расшифровка. Надо думать, для Флоринского не было тайной духовное убожество красной знати (за отдельными исключениями), он не боялся, что Малапарте донесет на него и в беседах с ним не щадил сильных мира сего, высмеивая их потуги на аристократизм.

Однако нельзя не отметить еще один штрих к портрету Флоринского, как бы мимоходом, на полях, добавленный итальянским писателем. Малопрятный, тревожный и требующий объяснения. «О нем рассказывали престраннейшие истории, в его присутствии старались не распускать язык. Все считали его подлецом и именно подлостью объясняли всю неоднозначность его характера и подозрительность выполняемых им обязанностей. ... Я всегда спрашивал себя, действительно ли он подлец, подлый человек»²³.

Малапарте никаких конкретных доказательств не привел. Как бы то ни было, здесь просматривается намек не только на злословие, но и на то, что в обстановке того времени Флоринский мог заниматься доносом, наушничеством и тайно сотрудничать с ГПУ. Был ли шеф протокола сексотом? Вряд ли у чекистов имелась необходимость как-то особенно «секретить» Флоринского, а сотрудничали с ними практически все чиновники, это с первых лет советской власти становилось нормой жизни. Отказ от такого сотрудничества был чреват, мог привести не только к отстранению от государственной службы, но и к аресту и тюремному заключению. Хорошо осведомленный Флоринский, безусловно, рассматривался «соседями» как ценный источник информации, равно как и его дневниковые записи. Он этого не отрицал и признавал, например, следующее (датировано 17 апреля 1921 года): «Мне предложено было дать характеристики состава некоторых посольств и посылать информацию по всем вопросам, могущим оказаться интересными. Частично это мною уже выполнено и в дальнейшем я буду посылать отчеты о своих впечатлениях, вынесенных из бесед с иностранными дипломатами»²⁴.

Кроме того, Флоринский предлагал ГПУ «наладить издание кратких хроник» о всех событиях в дипкорпусе. Их можно было бы составлять на основе данных, представлявшихся

---

²⁰ В советском лабиринте. Эпизоды и силуэты, с. 71

²¹ АВП РФ, ф. 04, оп. 59, п. 401, д. 56558, л. 29.

²² Бал в Кремле, с. 207.

²³ Там же, с. 207–208.

²⁴ АВП РФ, ф. 057, оп. 1, п. 101, д. 1, л. 3.

другими сотрудниками НКВД, которые следили бы «за жизнью иностранных представительств и поддерживали личные отношения с секретарями таковых». Имея в виду, что обобщать информацию и составлять «хроники» будет только он, Флоринский. «Этим сотрудникам, конечно, ни к чему знать, куда пойдут эти сведения, достаточно будет объяснить, что это делается для личного моего сведения»²⁵.

Судя по крутым поворотам в биографии Флоринского, в нем была сильна авантюрная жилка, и поиск информации, в том числе сопряженный с теми методами, которыми пользуются спецслужбы, был вполне в его духе. Имелась и другая причина – стремление оказывать услуги могущественному ведомству с учетом «изъянов» в своей, далеко не идеальной, с советской точки зрения, биографии и в надежде найти в лице ГПУ защиту от возможных выпадов и провокаций со стороны «идейных товарищей» (о том, насколько иллюзорными были такие надежды, еще пойдет речь).

В «дневниковых заметках» Литвинова (еще раз напомним, что ссылаемся на этот источник лишь в тех случаях, когда факты, которые приводятся в нем, не кажутся надуманными) отмечено участие шефа протокола во взломе шифровальных кодов французского посольства. Он весьма этим гордился и прямо сиял, когда рассказывал Литвинову, как скопировал телеграмму посла Жана Эрбетта²⁶. Флоринский поддерживал неформальные, дружеские отношения с этим дипломатом и его супругой и часто бывал у Эрбеттов в резиденции, что открывало перед ним различные возможности. Об истории их отношений еще поговорим, как и о том, почему и в какой момент они испортились.

А Литвинов сделал Флоринскому замечание, указав, что работник НКВД не должен вести себя как сотрудник разведслужбы. И тогда тот признался, что чувствует себя «в подвешенном состоянии» из-за своего прошлого и старается подобным образом упрочить свое положение²⁷. Возможно, отчасти на какое-то время это ему и удалось, в ГПУ иногда даже прислушивались к его просьбам. Однако, как потом выяснилось, услуги, оказывавшиеся «органам», в условиях советского режима не могли служить гарантией личной безопасности.

Что же касается недобрых наветов и сплетен, которые распространялись о Флоринском, то как им было не распространяться – в московском высшем обществе сплетничали из чувства зависти, желания поквитаться с блестящим дипломатом и светским человеком, который, конечно же, наживал себе врагов.

К чести Флоринского отметим, что в отличие от иных столпов красного бомонда, он был слишком умен, чтобы польститься на «сладкую отраву роскоши» (выражение Матвея Ларсонса – юриста и журналиста, успевшего после революции поработать в ряде советских загранпредставительств)²⁸. Не стремился вознаградить себя за былые лишения, это было не в его стиле. Тем более, что особых лишений на имперской дипломатической службе он не испытывал, а во время революции и гражданской войны находился за границей.

Сказанное не означает, что шеф протокола был аскетом, не любил хорошо одеваться и полакомиться деликатесами. Напротив, любил и даже очень. В описаниях приемов обязательно уточнял, чем кормили и какого качества подавали блюда. Наряды дипломатов и их супруг никогда не оставлял без внимания. Ценил все привилегии, которые предоставляло его положение, включая возможность свободно путешествовать по всей Европе. Только за один 1927 год он побывал во Франции, Дании, Швеции, Швейцарии и Германии. И вполне возможно, испытывал удовлетворение от своей популярности в высших советских кругах.

---

²⁵ Там же, л. 3–4.

²⁶ Notes for a Journal, p. 70.

²⁷ Ibid.

²⁸ В советском лабиринте. Эпизоды и силуэты, с. 25.

Но при этом не строил свою жизнь на приземленной основе, не сводил свои интересы к материальным удобствам и удовольствиям, изысканной еде и налаженному быту. Пожалуй, главное, к чему он стремился – это находиться в центре общества, быть его дирижером, управлять людской суетой, в той мере, в какой это позволяли обстоятельства.

В 1920-е годы на смену внешней изоляции Советской России пришло ее признание со стороны крупнейших мировых держав. В Москве твердили о «мирном сожительстве» с Западом, как тут было не поверить, что этот курс всерьез и надолго, что Россия возвращается в русло мирового развития! Вот и Флоринский и многие его соратники, как из бывших, так и из революционной интеллигенции, поверили, и с этим прицелом взялись за дипломатическое строительство СССР как части «дивного нового мира». Увы, к концу двадцатых первая перестройка захлебнется – власть свернет с дороги из желтого кирпича, поставив свои эгоистические интересы выше интересов общества. Последствия известны, в том числе для дипломатов-энтузиастов чичеринско-литвиновской школы. Над ними изначально витал дух обреченности, хотя они далеко не сразу это поняли и надеялись на лучшее. Как и все мы.

Бреши в стене

После революции Ленин и другие большевистские лидеры не придавали значения дипломатии, считали ее чисто буржуазным занятием, а потому отжившим и не интересным для победившего пролетариата. К «буржуйам недорезанным» относились не иначе, как к классовым врагам, с которыми следует драться, а не церемонии разводить. Какой уж тут протокол, какой этикет...

Пренебрежительное отношение к дипломатической службе первого наркома по иностранным делам Льва Троцкого хорошо известно. Он говорил: «...вот издам несколько революционных прокламаций к народам и закрою лавочку»²⁹. Что толку в дипломатии, когда «весь мир насилия» будет вот-вот разрушен до основания? Считалось, что единственную пользу она могла принести лишь как средство разжигания революционного пожара.

Однако мировая революция всё не начиналась, жизнь брала свое, и полностью отказаться от дипломатии не удавалось. Как иначе было вести переговоры с немцами о мире в Брест-Литовске? Советскую делегацию возглавил сначала профессиональный подпольщик и революционер Адольф Иоффе, а затем – Троцкий. Впрочем, в данном случае не столь важно, кто и как вел переговоры, важен сам факт – они велись, потому что деваться было некуда. С Германией установили дипломатические отношения и первым представителем в Берлин назначили Иоффе. Он именовался не послом – дипломатические звания и ранги большевики отменили (как и офицерские) – а полпредом, полномочным представителем.

Как вспоминал германский дипломат Густав Хильгер (он связал свою профессиональную деятельность с Россией – с начала 1920-х годов до июня 1941 года работал в посольстве в Москве) аппарат у Иоффе был многочисленный, но малоэффективный, «состоявший в основном из выдвинутых революцией, а не специалистов»³⁰. Свою основную задачу они видели в подрывной деятельности, в подготовке германской революции, а не в налаживании межгосударственных отношений. Это явилось причиной их разрыва в ноябре 1918 года.

Когда в Берлин приехал 1-й секретарь полпредства Георгий Соломон – он был социал-демократом, знал Ленина, других большевистских лидеров и его назначили в миссию по рекомендации его друга Леонида Красина – то сразу собрался делать протокольные визиты. Но тогда Красин сказал ему «со смехом», что «не следует создавать прецедента, ибо никто из находящихся в посольстве никаких визитов не делал, все вновь прибывающие тоже игнорируют этот обычай, а потому-де мои визиты только подчеркнули бы то, чего не следует подчеркивать»³¹.

В действительности прецедент был необходим, хотя бы потому, что соблюдение дипломатических условностей во многом формировало отношение к советскому представительству. Вот только в 1918 году еще не было понимания, что такие представительства вообще нужны, их можно было по пальцам сосчитать, и позиция Красина была по-своему логична и закономерна – в русле генерального подхода большевиков к дипломатии и внешней политике.

Революционные установки диктовали свои подходы. К чему осваивать протокольные премудрости, правила этикета, когда они скоро отомрут вместе с самой дипломатией? Дипломатический протокол воспринимался как продукт отжившего строя, и заграничным советским эмиссарам нечего попусту тратить время, подлаживаться под чуждые им традиции. Их нужно ликвидировать, как и сам строй. Христиан Раковский (был полпредом в Лондоне, Париже и других столицах) – в беседе с Хильгером как-то сказал, что «молодое государство, которое

---

²⁹ Л. Д. Троцкий. Моя жизнь. М., Панорама, 1991, с. 329–330.

³⁰ Россия и Германия, с. 36.

³¹ Среди красных вождей, с. 59–60.

желает решения проблем, должно использовать любые средства, пригодные для приближения к цели»³².

Когда в 1918 году Владимир Ленин инструктировал советского представителя в Швейцарии Яна Берзина, то прежде всего подчеркивал важность информационной и нелегальной работы: «На официальщину начхать: минимум внимания»³³. Миссия Берзина продержалась в Берне около шести месяцев – ее выдворили за ведение революционной пропаганды и подрыв внутренней стабильности, которой швейцарцы так дорожат.

Убежденность в том, что «официальщина» большевикам ни к чему, и они обойдутся без соблюдения элементарных норм протокола и этикета, проявлялась во многих ситуациях.

После убийства 6 июля 1918 года германского посланника Отто фон Мирбаха никто из высших советских должностных лиц не пришел почтить его память.

Из воспоминаний Хильгера:

«Несмотря на политическую целесообразность, которую советские власти усматривали в исправлении последствий убийства, существовали определенные идеологические уступки, которые они не желали делать. Так, они упорно отказывались от посещения траурной церемонии у гроба покойного посланника. Похоронная процессия уже достигла широкого Новинского бульвара, когда появилась какая-то открытая машина, двигавшаяся в противоположном направлении. В ней сидел невзрачный тощий мужчина с острой рыжеватой бородкой и без шляпы...Его сутулая фигура и несчастный вид были чем-то вроде воплощения отчаянного положения, в котором находилась Советская республика в те дни»³⁴.

Тощим мужчиной, как можно догадаться, был народный комиссар по иностранным делам Георгий Чичерин.

Позднее большевистские лидеры особо не стеснялись, упоминая покушение на Мирбаха, и даже как бы гордились этим. Убийца посла Яков Блюмкин остался на свободе, и кара настигла его совсем не за то, что он стрелял в буржуйского дипломата.

«Блюмкин оставался в Москве еще в течение многих лет, – вспоминал Хильгер. – Одним из наиболее часто посещаемых им мест был Клуб литературы и искусства, в который тогдашний народный комиссар просвещения А. В. Луначарский обычно приглашал известных иностранцев. Представьте себе ужас и беспомощность какого-то германского политика, которому Луначарский однажды показал на Блюмкина, задав при этом бестактный вопрос: “Не хотели бы вы встретиться с человеком, который застрелил вашего посланника?”»³⁵.

Минуло два-три года после революции и стало очевидно, что в ближайшее время другие страны не последуют примеру Советской России – с «раздуванием мирового пожара на горе всем буржуям» придется подождать. А значит, с заграницей нужно выстраивать цивилизованные отношения, что подразумевало формирование профессиональной дипломатической службы.

Это отлично понимал Чичерин, придерживавшийся трезвого и взвешенного государственного подхода и особо не увлекавшийся революционной фразой. Но на кого ему было опереться? Большинство в НКВД и в заграничном аппарате наркомата составляли радикалы, невзлюбившие наркома. Ему постоянно приходилось иметь дело с внутренней оппозицией, которую представляли Адольф Иоффе, Максим Литвинов, Виктор Копп и другие функционеры³⁶. И нередко приходилось уступать, в том числе в серьезных политических вопросах.

---

³² Россия и Германия, с. 54.

³³ В. И. Ленин. Письмо Я. А. Берзину, 18 октября 1918 г. // Ленин. Революционер, мыслитель, человек // <https://leninism.su/works/99-v-i-lenin-neizvestnye-dokumenty-1891-1922/3640-dokumenty-1918-g-oktyabr-noyabr.html>.

³⁴ Россия и Германия, с. 17–18.

³⁵ Там же, с. 20.

³⁶ См. Неизвестный Чичерин. Часть 1 // https://idd.mid.ru/informacionno-spravocnye-materialy/-/asset_publisher/WsjViuPpk1am/content/neizvestnyj-cicerin-cast-1-.

В 1920 году у ревнителей классовых интересов вызвала недовольство деятельность Леонида Красина в Лондоне, когда он вел переговоры о заключении торгового соглашения. «Недовольство это сводилось, главным образом, к тому, что, находясь в Англии, он обращал мало внимания на пропаганду идей мировой революции, что у него не было установлено почти никаких связей в этом направлении». Из-за этого Красина заменили на посту главы делегации Львом Каменевым, и Красин признавался своему другу Георгию Соломону, что был глубоко уязвлен и обижен «этими махинациями». В итоге пострадало дело, Каменев отношения с англичанами не сумел наладить. Он «оказался настолько на высоте надежд и чаяний своих сторонников, развил в Англии столь энергичную и планомерную политику ставки вовлечения английского пролетариата в мировую революцию, что уже через два месяца, по требованию Ллойд Джорджа, должен был экстренно уехать из пределов Англии»³⁷.

Советскому руководству пришлось вернуть Красина, и именно он стал первым советским полпредом в Великобритании.

По мере того, как зарубежные страны де-факто, а потом де-юре признавали Советскую Россию, очевидной становилась необходимость государственного подхода во внешней политике. Любители «махать шашкой» и «громить буржуев» притихли, хотя в той или иной форме «революционно-подрывной момент» сохранялся в деятельности советской дипломатии на протяжении всей истории СССР.

В 1923–1924-х годах, когда в Германии обострилась внутривнутриполитическая ситуация, в Москве тут же стали подумывать о вооруженной помощи германской революции.

Из мемуаров латвийского посланника Карлиса Озолса:

«В течение каких-нибудь двух лет, прошедших со времен Рапалло, Германия почти совсем была подготовлена к перевороту, и находящийся в Риге полномочный представитель СССР Семен Иванович Аралов получил специальную командировку в Германию, чтобы изучить обстановку и все обстоятельства на случай вторжения туда советских войск. Разумеется, под большим секретом. Аралов объяснял свое долгое отсутствие болезнью, тем, что он вынужден лечить щеку у немецких профессоров, уверял, что эту болезнь никто другой понять не мог. Дело, конечно, не в щеке. Аралов обладал хорошей способностью быстро ориентироваться в любой местности, и в этом отношении отличался еще во время гражданской войны, будучи красноармейцем, несмотря на то что по образованию учитель и работал в колонии для малолетних преступников недалеко от Москвы.

В свою очередь... Виктор Копп, в ведении которого находился прибалтийский отдел (в НКВД – *авт.*), начал, хотя и весьма осторожно, вести со мной неофициальные переговоры о возможности отправки русских войск в Германию через Латвию. Когда же я пресек все эти разговоры и Копп убедился, что его старания напрасны, он довольно цинично и совсем недвусмысленно заявил:

– Если вы будете то отворять, то затворять ваши двери, они могут выскочить из шарниров.

– Ну, тогда мы их заколотим, чтобы не могли выскочить, – парировал я.

На этом беседа завершилась, Копп больше не поднимал этот вопрос»³⁸.

Против использования дипломатии как инструмента мировой революции последовательно выступал Чичерин. В июне 1921 года в инструкции полпреду в Афганистане Федору Раскольникову нарком предостерегал от «искусственных попыток насаждения коммунизма в стране, где условий для этого не существует»³⁹.

---

³⁷ Среди красных вождей, с. 223–224.

³⁸ Мемуары посланника, с. 171–172.

³⁹ В. В. Соколов. Г. В. Чичерин и НКВД // Неизвестный Чичерин. Часть 1 // https://idd.mid.ru/informacionno-spravocnyie-materialy/-/asset_publisher/WsjViuPpk1am/content/neizvestnyj-cicerin-cast-1-.

С начала 1920-х годов в Москву потянулись официальные представители Германии, Финляндии, Латвии, Эстонии, Литвы... Еще раньше туда прибыли дипломаты из Афганистана, Персии и Турции, считавшихся чуть ли не союзными и братскими государствами. Дипломатический корпус включал и полпредов советских республик, имевших самостоятельный статус (после вхождения республик в СССР этот статус постепенно понизили и межреспубликанские отношения приобрели другой характер, зависимость от центра стала полной).

Прием, который НКВД устроил 7 ноября 1920 года, показал, что московский дипкорпус уже существует, но он крайне малочислен. «В тот вечер, – отмечал Хильгер, – приглашение Чичерина приняла небольшая группа лиц, что как раз соответствовало ограниченному объему отношений, существовавших между Советским государством и внешним миром»⁴⁰. Пришли представители Персии, Афганистана, Турции, трех балтийских государств и сам Хильгер, прибывший в Москву в качестве эmissара для помощи военнопленным и интернированным. Он, между прочим, долго колебался, опасаясь, что посещение «праздничного ужина» вызовет политическую бурю в Германии⁴¹.

Даже если брать не глав миссий, а весь их персонал, то поначалу дипломатов было всего 100 или 120 человек. В 1921 году столько мест им выделили для посещения Первомайского спектакля и концерта на открытой сцене на Театральной площади в Москве. Представлены были «Турецкое посольство, Афганское, Персидское, Финляндская дипломатическая миссия, Латвийская дипломатическая миссия, Литовское полномочное представительство, Эстонская дипломатическая миссия, полномочные представительства советских республик, Польская репатриационная комиссия, Польская реэвакуационная комиссия, Австрийская миссия, Уполномоченный Германского правительства и т. д.»⁴².

Организаторы толком не понимали, сколь важно обойтись без проколов в контактах с дипкорпусом, что отсутствие четкого порядка в организации мероприятия производит дурное впечатление на иностранцев, от которых в немалой степени зависит градус двусторонних отношений. В тот день, отмечал Флоринский, создалось «неловкое положение», о дипломатах никто не позаботился, они «толпились под колоннадой Большого театра», «спрашивали, где отведенные для них места, выражали свое удивление и недвусмысленно улыбались»⁴³. Причина заключалась не только в типичной советской расхлябанности, но и в определенном пренебрежении к «буржуям», которое, впрочем, вскоре сменилось проявлением чрезмерной предупредительности и пиетета.

С каждым месяцем пробивались бреши в крепостных стенах, окружавших Советскую Россию и СССР. «Над городом стоял крик лихачей, и в большом доме Наркоминдела портной Журкевич день и ночь строчил фраки для отбывающих за границу советских дипломатов». Эта цитата из «12 стульев» Ильфа и Петрова передавала характер новой атмосферы в советской столице.

Переход от военного коммунизма к НЭПу сопровождался небывалым внешнеполитическим оживлением и ростом дипломатической активности. На 1924–1925 годы приходится «полоса признаний», когда были установлены дипломатические отношения с полутора десятком государств. Об интенсивности процесса можно судить по дневнику Флоринского, отмечавшего, например, что «конец февраля и марта (1924 года – *авт.*) прошли под флагом признаний, переаккредитования прежних начальников миссий и вручения кредитивов вновь назначенными»⁴⁴. За этот небольшой срок успели вручить верительные грамоты итальянский посол

⁴⁰ Россия и Германия, с. 76.

⁴¹ Там же.

⁴² АВП РФ, ф. 057, оп. 1, п. 101, д. 1, л. 10.

⁴³ Там же.

⁴⁴ АВП РФ, ф. 057, оп. 4, п. 101, д. 1, л. 10.

граф Гаэтано Манзони («это первый случай вручения у нас верительных грамот в полной посольской форме»), посол Германии Ульрих фон Брокдорф-Ранцау и Турции – Али Фуа Чебесой, польский посланник Людвик Даровский, полномочный представитель Хорезмской народной советской республики Атаджанов⁴⁵.

Менявшаяся обстановка требовала расширения и повышения профессионального уровня аппарата НКВД. Однако с поиском кадров дело обстояло непросто, царских дипломатов отстранили еще в ноябре 1917 года. Тогда в МИД прибыл Троцкий, которому не удалось уговорить их сотрудничать с новой властью. Его поведение и манеры произвели отталкивающее впечатление. Начальник Международно-правового отдела Георгий Михайловский вспоминал: «...вид Троцкого, напомаженного и завитого, бледного, небольшого роста, скорее худощавого, чем полного, с тонкими ногами, вызывал трудно передаваемую реакцию в этом бесспорно самом аристократическом ведомстве Петрограда... Никакие резолюции... абстрактные рассуждения не доказывали с такой очевидностью, что большевистский переворот есть катастрофа...»⁴⁶.

Дипломаты были возмущены курсом новой власти на сепаратный мир с Германией, считали это предательством союзников и национальных интересов. Но все же могли продолжить работу, если бы Троцкий не повел себя грубо и бесцеремонно. Флоринский в то время находился в США, но ему рассказал о той приснопамятной встрече Иван Дилекторский, которого он повстречал в Турции в 1932 году. Дилекторский служил в МИД и помогал молодому Флоринскому при поступлении в Министерство. «Д. вспомнил историческое выступление Троцкого в 1917 г. перед общим собранием работников бывш. М. И. Д., когда Троцкий заявил, что уравнивает всех с курьерами; своим резким выступлением он отпугнул всех чиновников и восстановил их против советской власти; если бы Троцкий подошел более чутко, некоторые из них, может быть, и остались бы работать и вели бы свою работу лояльно»⁴⁷.

В результате МИД почти полностью разогнали, и Ленин потом с восторгом писал о сформировавшемся на его руинах НКВД: «...этот аппарат исключительный в составе нашего государственного аппарата. В него мы не допускали ни одного человека сколько-нибудь влиятельного из старого царского аппарата. В нем весь аппарат сколько-нибудь авторитетный составил из коммунистов. Поэтому этот аппарат уже завоевал себе (можно сказать это смело) название проверенного коммунистического аппарата, очищенного несравненно, неизмеримо в большей степени от старого царского, буржуазного и мелкобуржуазного аппарата, чем тот, которым мы вынуждены пробавляться в остальных наркоматах»⁴⁸.

На самом деле это было преувеличение, да и гордиться было нечем. С точки зрения идеологической чистоты НКВД, да, эффектно выделялся, но навыков дипломатической практики там ни у кого толком не было и, главное, мало кого заботило получение таких навыков. Несомненной находкой был сам Чичерин, успевший, кстати, какое-то время поработать в МИД Российской империи. Он был «убежденным государственным, на первый план ставившим национальные интересы страны. Много лет участвуя в международном социалистическом движении, он не был чужим в политических кругах Коминтерна, Советской России и СССР, принадлежа к той части партийной элиты, которая обеспечивала историческую преемственность, особенно важную для внешней политики страны»⁴⁹.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Г. Н. Михайловский. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Кн. 1, М. Международные отношения, 1993, с. 512.

⁴⁷ АВП РФ, ф. 057, оп. 12, п. 110, д. 1, л. 84.

⁴⁸ В. И. Ленин. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Полное собрание сочинений. Т. 45 // <http://www.uaio.ru/vil/45.htm>.

⁴⁹ О. Г. Обицкий. Исторические корни и традиции семьи Чичериных // Известный Чичерин. Часть 1 // https://idd.mid.ru/informacionno-spravocnye-materialy/-/asset_publisher/WsjViuPpk1am/content/neizvestnyj-cicerin-cast-1-.

Но один в поле не воин, и Чичерин отчаянно нуждался в помощниках с дипломатическим опытом или тех, кто обладал необходимыми способностями для овладения подобным опытом. В какой-то степени на эту роль подходили члены большевистской партии, прежде жившие и работавшие за границей, владевшие иностранными языками и обладавшие определенным интеллектуальным уровнем. Но все же им не хватало профильных знаний и к тому же зачастую (о чем уже шла речь) они рассматривали дипломатию как вспомогательный инструмент революционной борьбы, что не способствовало нормализации и улучшению отношений с зарубежными странами. Поэтому в НКВД стали брать прежних сотрудников царского МИД, которые по разным причинам решались на такой шаг⁵⁰.

Из глав российских миссий за рубежом в 1917 году только двое, Юрий Соловьев (временный поверенный в делах России в Испании) и Рольф Унгерн-Штернберг (поверенный в делах России в Португалии) предложили свои услуги советской власти, и только Соловьеву – уже после гражданской войны – удалось добраться до Москвы и поработать в НКВД. Из сотрудников среднего звена отметим Андрея Сабанина, Георгия Лашкевича и Николая Колчановского. Сабанин был заведующим Экономическо-правовым отделом НКВД, а Лашкевич и Колчановский – его сотрудниками. Все они являлись выпускниками Императорского лицея, иностранные дипломаты прозвали их «лицеистами» и высоко оценивали их профессиональную квалификацию «Эти три лицеиста работали у большевиков действительно не за страх, а за совесть», – писал Озолс⁵¹.

---

⁵⁰ См. подробнее: Ю. В. Иванов. Первые советские дипломаты. НКВД РСФСР/СССР 1917–1941. М., Перо, 2022, с. 455.

⁵¹ Мемуары посланника, с. 123.

Неуч и недоросль

До сих пор не ясны все детали появления Дмитрия Флоринского на советской дипломатической службе. Ведь он был не просто из бывших, а из тех, кто «запятнал» себя участием в Белом движении, словом, являлся врагом Советской власти. Но давайте по порядку изложим то, что известно.

Флоринский родился 2 (по новому стилю 14) июня 1889 года, в семье профессора Киевского университета Тимофея Дмитриевича Флоринского – известного русского филолога, профессора-слависта. Детей было четверо, три брата и сестра.

Дмитрий окончил 1-ю Киевскую гимназию в 1905 году, поступил на юридический факультет Киевского университета и в 1911 году получил диплом. Выпускную работу написал по теме «Подходный налог», стал кандидатом на судебную должность и кто знает, как сложилась бы жизнь молодого человека, если бы министерству иностранных дел Российской империи не понадобилась «свежая кровь». Депутаты Государственной думы обращали внимание на кастовый характер мидовских кадров и предлагали разбавить их за счет представителей интеллигенции и среднего класса.

В результате МИД направил циркуляр во все российские университеты с просьбой подбирать кандидатов для принятия на дипломатическую службу, и ректор Киевского университета Николай Цитович рекомендовал Флоринского. Родители были против, наверное, из-за той же кастовости, не хотели, чтобы сын чувствовал себя неловко в окружении «белой кости». Кроме того, служба в МИДе предполагала большие расходы (одна экипировка чего стоила, и еще нужно было снимать хорошую квартиру, чтобы устраивать приемы), а платили мало. Только попав за границу, можно было получить приличный оклад, но для этого требовалось сначала поработать три года в центральном аппарате. Тем не менее, Флоринский решил рискнуть и явился на прием к директору Департамента личного состава МИД Владимиру Арцимовичу. Тот сразу согласился взять молодого соискателя, который, между прочим, был единственным, откликнувшимся на призыв. Других разночинцев, по всей вероятности, отпугнули финансовые проблемы и традиционная элитарность царского МИД.

Флоринский, уточнив размеры полагавшегося ему жалованья (50 рублей в месяц), ответил Арцимовичу отказом. Прозябать на такие деньги три года в столице, где цены намного опережали киевские, было немыслимо. Но заинтересованность в новых кадрах, видно, была высока, и Арцимович пообещал ускорить прохождение дипломатического экзамена, открывавшего путь к заграничным должностям, с окладом не ниже 250 рублей в месяц. Срок сократили с трех лет аж до нескольких месяцев, и уже в июне 1913 года Флоринский, успешно выдержав испытание, отбыл в посольство в Константинополе. Сначала на низшую должность «студента» (то есть стажера), а затем его повысили до атташе.

Он приобрел опыт практической работы, в том числе в консульствах в Самсуне и Алеппо. Затем его перевели в миссию в Софии, в Болгарии, а в августе 1915 года командировали вице-консулом в генконсульство в Нью-Йорке. Там молодой сотрудник в полной мере приобщился к светской жизни. По его словам, генконсул Михаил Устинов и консул Петр Руцкий тяготились светскими обязанностями и переложили на плечи Флоринского все обязанности по представительству.

Гораздо позже, уже будучи сотрудником НКВД, Дмитрий Тимофеевич сурово осуждал светские развлечения, хотя и не скрывал их притягательность. Утверждал, что еще отец удерживал его от «бесшабашной и пустой жизни», разъяснял «всю призрачность и суетность светских развлечений и кутежей, после которых остается душевная пустота и неудовлетворенность,

сознание своей ненужности и разочарование»⁵². Учитывая ту роль, которую Флоринский играл в светской жизни Москвы в 1920-е годы, остановимся подробнее на его оценках.

«...Мне часто приходилось бывать в кутящих компаниях (к этому меня значительной степени обязывала служба), но я никогда не увлекался больше этими порою очень блестящими, порою просто порочными праздниками. Я скорее ими тяготился... и мирился с ними как с неизбежным злом, сводя свое в них участие к роли наблюдателя. Анализ и наблюдения в течение ряда лет научили меня должным образом расценивать блестящие приемы во дворцах, оргии в шикарных кабаках, счастье встреч с мировыми знаменитостями, любовь лицемерных светских барынь и распущенных деми-монденок⁵³, искренность товарищеских попок, прелесть светских успехов»⁵⁴.

Обратите внимание: бичуя светские пороки, автор описывал их так подробно, многословно и «вкусно», что невольно напрашивалась мысль – он вспоминает о них не без удовольствия. Владимир Соколин, который одно время работал в НКВД вместе с Флоринским и неплохо его узнал, отмечал пристрастие своего коллеги к светскости. Писал, что в Нью-Йорке свежеиспеченный вице-консул быстро приобрел «лоск» и пользовался всеми благами, которые дает высшее общество⁵⁵.

Но пусть говорит сам Флоринский:

«Под мишурной роскошью светских приемов, будуаров и международных кабаков, украшенных громкими титулами действующих лиц и обладающих столь притягательной силой для многих даже недюжинных натур, я научился разгадывать прикрываемые всем этим великолепием глупые, ни на чем не основанные чванство и снобизм, борьбу мелких честолюбий, желающих продвинуться какой угодно ценой по лестнице социальных условностей, продажность, грязь, пороки и главное беспросветную пустоту и полную ненужность всех этих скрещающихся стремлений в погоне за светскими успехами и легкими удовольствиями. Добрые советы отца и пример его бескорыстной трудовой жизни заложили прочный фундамент, позволивший мне критически и спокойно относиться к светскому балагану, в котором мне непрестанно приходилось принимать участие со времени поступления в МИД и вплоть до возвращения в СССР в 1920 г.»⁵⁶.

О судьбе отца Флоринского еще поговорим, а что касается осуждения светской жизни, то нужно понимать специфику советских условий. Попав в НКВД, Флоринский всеми силами старался сделаться там «своим», доказать коллегам, что он перековался и они должны видеть в нем трудового человека. Вместе с тем цепляет признание того, что несмотря на успешные наставления родителя и свое отношение к «светскому балагану», сын принимал в нем «непрестанное участие». В общем, не уклонялся. И в полную силу развернулся в этой сфере в США:

«Светские праздники во дворцах американских архимиллионеров и в артистических студиях, приемы, обеды, благотворительные базары и концерты, парфорсные охоты⁵⁷, пикники, загородные поездки – шли непрерывной чередой. Все мое после-служебное время было расписано на 2 недели вперед. При всей утомительности светской жизни, активное мое участие в коей ценилось моим начальством, я извлекал из нее пользу, завязывая довольно прочные связи в самых разнообразных кругах американского и иностранного общества, причем я естественно обращал внимание на деловые круги и на политических и общественных деятелей»⁵⁸.

---

⁵² Автобиография Д. Т. Флоринского.

⁵³ Дамы полусвета.

⁵⁴ Автобиография Д. Т. Флоринского.

⁵⁵ V. Sokoline. Ciel et Terre sovietiques. A la Baconniere, Neuchatel, 1949, p. 203.

⁵⁶ Автобиография Д. Т. Флоринского.

⁵⁷ То есть с гончими собаками.

⁵⁸ Автобиография Д. Т. Флоринского.

Из сказанного складывалось впечатление, что светская жизнь все-таки не совсем пуста и бесполезна, и в Москве, заметим на полях, Флоринский вновь в нее окунулся. Что неизбежно должно было вызывать раздражение и осуждение многих наркоминдельских сотрудников.

В США молодой дипломат провел три года, которые были наполнены не только светскими мероприятиями, но и рутинной дипломатической работой. Зато посмотрел всю страну: на автомобиле объездил Новую Англию, побывал в Чикаго, Питтсбурге, Флориде... Наведывался в Канаду. А летом 1918 года все кончилось и остается вопросом – почему?

После Октябрьской революции российская дипломатия, в которой большевики не видели особой необходимости, продолжала работать за рубежом. Правительства ведущих мировых держав (признавать большевистскую республику они не спешили) поддерживали устойчивые контакты с российскими посольствами, сформировалось Совещание послов – влиятельный орган русского зарубежья. Перед дипломатами бывшей империи открывались различные возможности, вплоть до натурализации в стране пребывания. Особенно, если речь шла о таком активном, энергичном человеке, как Флоринский, успевшем обрести связи в высших американских кругах. И вот он подает в отставку. Причину приводил достойную, но, честно говоря малоубедительную. Будто его возмутило бездействие посольства в вопросе о помощи российским гражданам, которых американцы призывали в армию, не имея на то полновесных юридических оснований.

«Американские власти не имели права призывать наших эмигрантов, не принявших американского гражданства. По соглашению с Военным департаментом (то есть министерством обороны США – *авт.*) посольством была разработана сложная система для освобождения из армии наших граждан, проводившаяся через консульства, но являвшаяся чисто фиктивной, т. к. фактически мы никакой защиты не оказывали». И Флоринский повел себя принципиально: «Я считал, что в этом остром вопросе наша позиция должна быть ясной: или мы оказываем действительную защиту, или же, если вследствие политической конъюнктуры произошедших в России событий мы этого не можем сделать – то следует откровенно заявить об этом колонии, дабы не создавать у призванных ложных надежд на нашу помощь...». Вице-консул пошел ва-банк: «Двусмысленную политику посольства я считал недостойной, докладывал об этом Устинову, вполне разделявшему мое мнение, и дважды ездил в Вашингтон для безуспешных, правда, разговоров с послом»⁵⁹.

Для советского начальства такая мотивация могла показаться недостаточно убедительной, поэтому Флоринский кое-что к ней добавлял:

«Вышеприведенные обстоятельства сыграли если не решающую, то во всяком случае, значительную роль в моем решении оставить службу. Я чувствовал неудовлетворенность своей работой, сознавал оторванность нашего представительства от страны и народа, падение его авторитета в глазах американцев. Назревала большая потребность посмотреть, что собственно происходит в России, о которой мы имели лишь сумбурные газетные сведения. 16 августа моя отставка была принята послом. Посольство мне выдало 2.500 долларов “ликвидационных” и 20 августа я выехал в Христианию⁶⁰, с целью пробраться в Киев, где находилась моя семья»⁶¹.

В Москве это объяснение могло сработать, по крайней мере, вызвать удовлетворение от того, что Флоринский соблюдает условности. Но сегодня при чтении этих строк точит червь сомнения. Вот так взять и покинуть страну, где любой предприимчивый эмигрант мог сделать головокружительную карьеру? Ведь Флоринский не был идеалистом, разве что стремление увидеть семью подвигло его на отъезд... И непонимание того, в какой кровавый ад погружается Россия.

---

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Столица Норвегии, сейчас Осло.

⁶¹ Автобиография Д. Т. Флоринского.

Есть свидетельство того, что за решением Флоринского «сжечь мосты» скрывались и другое, немаловажное обстоятельство. Оно изложено в книге британского разведчика Генри Ландау «Враг внутри: правдивая история германского саботажа в Америке». В ней утверждается, что Флоринский был связан с сотрудниками немецкой секретной службы и приводятся конкретные имена. Самое серьезное обвинение – в покровительстве агенту-террористу украинского (галицийского) происхождения Федору Возняку, который в январе 1917 года поджег военный завод в Кингсленде (штат Нью Джерси). Там производились снаряды и боеприпасы для России. Возняк состоял на учете в генконсульстве, контактировал с Флоринским (это подтверждено документально) и на завод устроился по его протекции – об этом докладывал один из британских осведомителей⁶²

---

⁶² *H. Landau. The Enemy Within. The Inside Story of German Sabotage in America. Putnam, New York, 1937, p. 196–198.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.